

Евгений Евтушенко

Собрание сочинений

Том первый. Стихотворения и поэмы (фрагмент)

БАБИЙ ЯР

Над Бабьим Яром¹ памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.

Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас —

я иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.
Мне кажется, что Дрейфус —
это я.

Мещанство —
мой доносчик и судья.

Я за решеткой
Я попал в кольцо.

Затравленный,
оплеванный,
оболганный.

И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.

Мне кажется —
я мальчик в Белостоке.

¹ Бабий Яр — овраг в окрестностях Киева, где гитлеровцы уничтожили несколько десятков тысяч советских людей, и среди них евреев, украинцев, русских и других жителей Киева. В момент написания этого стихотворения в Бабьем Яре еще не было памятника. Теперь этот памятник жертвам фашизма установлен.

Фашизм применял по отношению к еврейскому народу политику геноцида. Сейчас трагический парадокс истории заключается в том, что израильское правительство прибегло к политике геноцида по отношению к палестинцам, насильственно лишенным своей земли. (Примеч. автора.)

Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:

«Бей жидов, спасай Россию!» —
лабазник избивает мать мою.
О, русский мой народ!

Я знаю —

ты

по сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.

Как подло,

что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!

Мне кажется —

я — это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле.

И я люблю.

...И мне не надо фраз.

Мне надо,

чтоб друг в друга мы смотрели.

Как мало можно видеть,

обонять!

Нельзя нам листьям

и нельзя нам неба.

Но можно очень много —

это нежно

друг друга в темной комнате обнять.

Сюда идут?

Не бойся — это гулы
самой весны —

она сюда идет.

Иди ко мне.

Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет — это ледоход...
Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно,
по-судейски.
Все молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею.
И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.
Я —
каждый здесь расстрелянный старик.
Я —
каждый здесь расстрелянный ребенок.
Ничто во мне
про это не забудет!
«Интернационал»
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
По ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
как еврей,
и потому —
я настоящий русский!

1961

БАЛЛАДА О ШТРАФНОМ БАТАЛЬОНЕ

И донесла разведка немцам так:
«Захвачен укрепленный пункт у склона
солдатами штрафного батальона,
а драться с ними — это не пустяк».

Но обер-лейтенант был новичок —
уж слишком был напыщен и научен,
уж слишком пропагандою накручен,
и он последней фразы не учел.

Закон формальной логики ему
внушил, что там, в сердцах на правосудье,
обиженные Родиною люди, —
и вряд ли патриоты потому.

Распорядился рупор приволочь
и к рупору пьянчугу-полицая,
и тот, согретый шнапсом, восклицая,
ораторствовал пламенно всю ночь.

Оп возвещал солдатам, как набат,
все то, что обер тщательно преподавал:
о всех несправедливостях преподлых,
которые загнали их в штрафбат.

Мол, глупо, парни, воевать за то,
что вас же унижает и позорит,
а здесь вам снова стать людьми позволят,
да и дадут в награду кое-что.

Сам полицай, по правде говоря,
в успех не верил, жалок и надрывен.
Он думал: обер, обер, ты наивен.
Не знаешь русских ты. Все это зря.

А как воспринимали штрафники
тот глас? Как отдых после перестрелки.
Махрой дымили, штопали шинелки
и чистили затворы и штыки.

Они попали кто за что в штрафбат:
кто за проступок тяжкий, кто за мелочь,
и, как везде, с достатком тут имелось
таких, кто был не слишком виноват.

Был обер прав: у них, у штрафников,
у стреляных парней, выдавших виды,
конечно, были разные обиды.
А у кого их нет? У чурбаков.

Но русские среди трудов и битв,
хотя порой в отчаянье немеют,
обиды на Россию не имеют.
Она для них превыше всех обид.

Нам на нее обидеться грешно,
как будто бы обидеться на Волгу,
на белые березоньки, на водку,
которой утешаться суждено.

На черный хлеб, который вечно свят,
нВ «Догорай, гори, моя лучина...»,
на всех, что спят в земле неизлечимо,
на матерей, которые не спят.

Ошибся обер, и, пойдя в штыки,
едва рассвет забрезжил бледновато,
за Родину, как гвардии солдаты,
безмолвно умирали штрафники.

Баллада, ты длинна, но коротка,
и не могу закончить я балладу.
Ведь столько раз солдатскую баланду
хлебал я из штрафного котелка.

К чему все эта ворошить? Зола.
Но я, солдат штрафного батальона,
порой грустил, и горько, потаенно
меня обида по, сердцу скребла.

Но я себе шептал: «Я не убит,
и как бы рупора ни голосили,

не буду я в обиде на Россию —
она превыше всех моих обид.

И виноват ли я, не виноват,—
в атаку тело бросив окрылённо,
умру, солдат штрафного батальона,
за Родину как гвардии солдат».

1963

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.